
Владислав ПЕНЬКОВ

КНЯЖНА

Г-у Кир-ву

Отдам долги, сочтусь с друзьями,
прощу любимых и врагов
и встречусь с русскими князьями
лесных пологих берегов.

Моя душа — смола и сера,
сульфат железа и песок.
Но голубеет Селигера
в леске — спасительный висок.

Обычно как — висок и пуля,
петля и горло. Только здесь
суицидального июля
спадет изысканная спесь.

Ни слова больше о паскудстве.
Пускай печали сберегут
и руки, что сейчас трясутся,
и слезы, что теперь бегут.

Как сладко дышит занавеска
и как тоска моя нежна,
когда проходит перелеском
в печали бледная княжна.

ЗОЛОТАЯ КОШКА

Наташе

Зашторены окошки.
Сижу, баранки гну,
ищу в глазах у кошки
закат и глубину.

Они глядят все глубже,
они глядят туда,
где Ахерона лужи
под корочкою льда.

Владислав Александрович Пеньков — автор трех стихотворных сборников и ряда публикаций в отечественной и зарубежной периодике («Нева», «День и ночь», «Знамя», «Эмигрантская лира», «Студия», «45 параллель», «Парус», «Русская жизнь», «Слово», «Плавучий мост», «7 искусств», «Сетевая словесность», «Белый ворон», «Иные берега», «Топос», «Вышгород» и другие). Член Союза российских писателей. В настоящее время проживает в Таллине.

О Господи! Зимой
других занятий нет,
чем увидеть с тобою
совсем не Этот свет.

Смотри, смотри, Наташа,
смотри, Наташа, как
мурлычет кошка наша
и спать идет во мрак.

Глаза ее открыты,
и у нее одной
попросим мы корыто
с летейскою водой.

БЕРЛИН

И ты умрешь, и я умру,
оставив на потом
все эти слезы на ветру,
улыбку бледным ртом.

Моя вина, твоя вина,
аллея горьких лип,
и свет, который льет луна,
к подошвам вдруг прилип.

С чего пишу я про Берлин?
Я про Берлин пишу?
С чего немецкий этот клин
в душе своей ношу?

Луна — берлинский трансвестит,
голубушка, паяц,
и юбка нижняя летит
на Александерплац.

В Берлине мрак, в Берлине парк,
и, вороша листву,
гуляет там мертвец Ремарк
во сне и наяву.

Боюсь я снов своих давно,
и, снов своих боясь,
я с мертвецами пью вино,
поддерживаю связь.

Мы обнимаемся — до слез,
до боли, до утра.

С утра туман совсем белес —
косматая дыра.

ПТИЧКА-СВИСТУЛЬКА ДЛЯ СЕРЕЖИ И КОЛИ

С. П. и К. П.

Дело не в звонкой копейке,
не в полновесном рубле.
Брат мой, задаром пропей-ка
песню аббата Рабле.

Браги нальешь мне в стакан ты,
чистой, как слезы, нальешь.
Что с нас возьмешь, мы — ваганты,
что с нас возьмешь — молодежь!

Лед над Европой струится
белой рекой облаков.
Лед застывает на лицах
умников и дураков.

Если замерзли колодцы,
реки, озера, пруды,
темная ночь улыбнется —
синее мясо беды.

Холод окажется длинным,
будет суров он и крут.
Даже свистульки из глины
стайкой слетятся на пруд.

Птичку поймает в ловушку.
Птичку домой принесем.
Эту певунью-втирушку
страшной зимою спасем.

Брови морозные сдвинем,
высвистим трель ни о чем.
Холод на облаке-льдине
вздрагнет за нашим плечом.

БАСЁ

Наташе

Все струнки осины
нам даром даны.
Сутулые спины,
водица весны!

Что лучше, что хуже —
решил я давно.
Дороги и лужи.
Дыра в кимоно.

Огромная, словно
вселенной оскал.
Охотник за словом
покой отыскал.

Больные суставы,
угасший очаг,
дороги и травы
лежат на плечах.

JULY MORNING, МЕЩЁРА

Усталость ты, усталость,
мои луга во мгле,
мои туманы, жалость
к живущим на земле.

От холодка в июле
пощады не найти.
Тебя ножом пырнули?
Так взвейся и лети!

Пусть кровь течет на руки,
алее, чем «Агдам».
Оставь усталость скуки
подавшим пацанам.

Оставь им эти росы,
оставь им этот свет
и все его вопросы —
на них ответов нет.